

но, начал говорить. Это у меня было вроде помешательства. Работал с туристами, переводил на всяких совещаниях...

— И все же что-то заставило сменить профессию?

— Депрессия. Заканчивая четвертый курс, я получил двойку и сильно переживал. Подруга моей жены пришла к нам в гости, посмотрела на мое лицо и говорит: «Тебе нужно отвлечься. Сейчас идет набор в театральные вузы. Там такой народ, пойдём потусуемся». Ну, стихи я знал, прозу — тоже. Басню выучил — и пошел. Вроде как отвлечься. В Щепкинское училище я сразу пролетел. В Школе-студии МХАТ сказали: «Вам не стоит поступать, у вас проблемы с речью». Тут уж меня зацепило, думаю, неужели я ни на что не способен?! Меня вообще-то сцена манила, всегда казалось, что склонности к этому есть. Я спрашиваю: «Есть ли еще театральные вузы?» Мне говорят: «Щука». В тот же день я прошел первый тур, на завтра — второй, а на следующий день — третий, и меня взяли в «Щуку» вне конкурса. Тут я опомнился: на носу все-таки пятый курс университета! Пришел в приемную комиссию и говорю, что благодарю всех, что мне очень хочется попробовать себя как актера, но надо за-

рает в антрепризном спектакле «За закрытой дверью» по Сартру. Слава Якушин — артист Театра-Центра Ермоловой... Я тогда остался без работы, год проваландался. Мой педагог, Николай Сергеевич Троицкий, предложил мне сыграть в Калуге Сергея Есенина (он там ставил «Жизнь моя, или ты приснилась мне?» Нонны Голиковой). Я согласился, потому что погибал от безделья.

Сергей Гирин был первым исполнителем роли Есенина в этой пьесе. К сожалению, я не видела спектакля в Калуге, видела только, как Сережа читал на своем творческом вечере стихи Есенина. Он не играл в Поэта, читал тонко, без патетики и надрыва. Вскоре пьесу «Жизнь моя...» поставил Театр имени Ермоловой, и театралы стали бегать на Есенина-Безрукова. Гирин считает, что работа Безрукова безупречна: артист сделал поэта таким, каким он был.

— Вы походите на Есенина только именем и цветом волос. В остальном, я думаю, вы абсолютно разные. Как вы входили в его образ? Через стихи?

— Конечно, через стихи. Я тоже романтик, но другой. Способ существования Есенина, его биография мне не близки. Но мне плевать, ка-

Здесь много людей, много возможностей. Здесь есть, что искать. Я ничего специально не выстраиваю в своей жизни, но мне нравится, как все происходит. Хочется посмотреть, что со мной будет лет через десять. Даже если у меня не все будет складываться, я не уйду из профессии. Я, конечно, немного бравирую, потому что за спиной есть языки — чешский и сербский. Могу переводить и как-нибудь всегда заработаю.

— Как вы ощущаете себя в профессии на нынешний день?

— Радостно. Мне нравится сам процесс. Каждый день. Нравятся репетиции Галины Борисовны! Я всегда хотел посмотреть, как она работает. У нее на репетиции нет нервозности, напрягов. Даже если что-то не получается с первого или со второго раза, она дает понять, что ты сумеешь. Я не актер, я больше исполнитель. Слепо верю любому режиссеру. Куда ведут — туда и пойду. Я готов к любому результату, а у многих молодых одна цель: добиться всего и сразу. Если какая-то неудача — то все, судьба не состоялась, загулы.

— Отразилась. (Смеется.) Месяц назад я женился, но мне нравится второй раз. Жену зовут Марина. Она — экономист, не театраль- ный человек. Марина совершенно купила меня своим замечательным отношением к семье. Мы — евро-

тался совсем без работы, помогал своим друзьям торговать на рынке в Лужниках. Играл в хорошего торговца, причем со мной играли мои одноклассники-актеры: мы кричали хором, и наши ангорские кофты шли «на ура».

СЕРГЕЙ ГИРИН, ИГРА И СЛУЧАЙ

кончить университет. И что я их обманул: мне не 21 год, как я написал в анкете, а 25. Выслушав мой монолог, Людмила Владимировна Ставская, замечательный человек и педагог, говорит: «Ты что, нас за дураков держишь?! А ну, выйди пока!» Они там посовещались и сказали: «Значит так, едешь на военные сборы, потом приезжаешь и в сентябре пишешь сочинение» (без разрешения военной кафедры я не имел права сдавать экзамены). И я понял, что уже поступил. Мне разрешили, пока пишу диплом, посещать только специальные дисциплины: мастерство, сценическую речь, сценическое движение и танец. Мотаться между двумя вузами тяжело, так что никаких признаков способностей на первом курсе я не проявлял. А потом начали случаться какие-то события, и я понял, что куда не уйду из «Щуки», дочусь, очень хочется быть артистом. Учился я у Юрия Михайловича Авшарова. На базе нашего курса был создан театр «Учечная обезьяна»...

— Да, я помню ваш спектакль «Город мышей». Театр подавал надежды, но вдруг исчез. Что случилось?

— Директор испарился, финансирования не было, Дворец Молодежи отказал нам в помещении. И мы все остались без работы, мы ведь договорились никуда не показываться: хотели сделать свой театр. Жаль, курс был толковый. Наташа Щукина и Дима Марьянов сейчас в Ленком. Максим Разуваев в «Современнике». Наташа Петрова иг-

ким он был в жизни! У меня и задачи такой не было — играть Есенина, каким он был на самом деле. Задача была — раскрыть его изнутри. Как Поэта.

— Есенин, с одной стороны, был человеком взрывного темперамента, неуправляемых эмоций. С другой стороны, известно, что свою жизнь он во многом сочинял, просчитывал, сам творил свой имидж.

— Ну и что? Это свойственно многим людям, которые не находят воплощения каким-то сторонам своего «я», уходят в себя, а потом взрываются со свистом. Я объясняю его поведение именно так. Не согласен, что он что-то просчитывал. В свои годы, при всей своей мужественности и даже мужланстве, он все-таки оставался ребенком. Не терпел ограничения свободы. Сводил с ума женщин, как хотел. Писал, что хотел. Вел себя в поэтических клубах, как хотел.

— Вами тоже руководила жажда свободы, когда вы решили уехать из Гомеля?

— Сто процентов! При том, что люблю свою мать, и я — единственный ребенок в семье, я понимал, что иначе погибну. Останься я в Гомеле, в лучшем случае я мог быть директором школы. Тетради, ученики, со временем — семья. Не исключено, что даже при всей любви к тому, что меня окружает, я бы спился! От тоски, неудовлетворенности. От того, что не могу выразить себя. Когда я впервые увидел Москву, я сразу понял, что должен здесь жить.

— Но в молодости большинство проходит через период неустойчивости. Это нормально...

— Должна быть цель: ради чего?

— А ради чего вы в театре? Что он для вас: игра, возможность прожить чужие жизни, испытать эмоции, которых вам не хватает?

— Сто процентов — игра! Даже взаимоотношения с людьми — тоже игра. Как бы цинично это ни выглядело.

— Но, может быть, хотя бы отчасти, и «кафедра»? У вас есть что сказать человечеству?

— Есть. Слава Богу, что случились «Три товарища»! Я ведь чувствую, как люди в зале дышат, как воспринимают, когда их касается. Потому что этот спектакль про то, что происходит сегодня. Театр должен сводиться либо к слезам, либо к смеху.

— Три товарища, герои Ремарка, прошли в юности через фронт. Вы же армейскую жизнь знаете по летнему лагерю перед пятым курсом, а военную — по телевидению. На какой опыт вы опирались, работая над ролью Ленца?

— Галина Борисовна говорила, что стоило бы отправить нас в Чечню...

— Вы поехали бы?

— Да, поехал бы. Жутко ходить на волосок от смерти, но, думаю, это то состояние, которое стоит пережить. Все же Волчек испугалась, что с нами что-нибудь случится. (Вместо Чечни она отправила всех «трех товарищей» отдыхать на месяц на Кипр.) Но она помогла нам немного заглянуть «по ту сторону», показав закрытые материалы о Чечне. Это не транслируют по телевизору. Это трудно смотреть. Однажды после такого просмотра мы разошлись, не сказав ни слова. Я сутки не мог разговаривать, не мог прийти в себя. Представлял, что прошли ребята, которые там побывали.

— Вы встречали в жизни человека, который прошел ад войны и остался таким, как Ленц — светлым, благородным, не боящимся смерти?

— Да. У меня был приятель-афганец. Если б я не знал, никогда не поверил бы, что он там был. Более светлого, заводного и озорного человека я не видел в жизни! Меня удивляло, как это он ничего не боится?! О войне он не рассказывал никому. Ленца я пытался срисовать с него.

— Вы женились еще будучи студентом филфака. Не отразилась ли на вашей семейной жизни смена профессии?

лые люди, и у каждого остался свой круг интересов, в который не обязательно входить другому. Мы не диктуем друг другу свои условия. На этом рушатся, как мне кажется, многие молодые семьи. С моей первой женой, Татьяной, мы были женаты восемь лет. Учились в параллельных группах, у нее тоже был сербский, поэтому у нас было слишком много общего: и занятия, и приятели в Югославии. Мы проводили вместе 24 часа в сутки. У нас до сих пор хорошие отношения, мы перезваниваемся. Но Татьяна не вынесла моей измены нашей общей профессии. У меня появилась своя среда, и она не приняла жизни, куда ее не пускают, а если и пускают, то ей не интересно. Не смогла простить мой отказ от замечательной карьеры переводчика! Меня сразу после диплома взяли диктором на зарубежное радио, я должен был вещать на Чехию. Это очень престижно и говорило о том, что мой уровень считался высоким. Передо мной встал выбор: либо бросить «Щуку», либо отказаться от работы на радио. И я предпочел «Щуку» работе, а в результате — семье.

— Вы в быту человек требовательный?

— Я несколько лет, между двумя браками, прожил один. Все, что связано с бытом, умею сам. Когда жена занята, готовлю. Готовлю хорошо. Не могу сказать, что с любовью, но без отвращения. Ненормален в одном: в отношении порядка в доме. Терпеть не могу, когда что-то лежит не на месте! Люблю идеальную чистоту, чтобы все сверкало. Не надо заниматься домом с серьезной миной. Любое дело можно делать играя. Я всю жизнь играл. В дворника, когда писал диплом в университете. Потом — в грузчика, диктора на радио, в учителя, переводчика-синхрониста (между прочим, переводил на Конференции ректоров и педагогов вузов Европы во Дворце Съездов). Когда ос-

Сейчас у вас мало работы. В «Современнике» пока только «Три товарища» и репетиции у Коляды, в пьесе «Уйди-уйди». Да еще в антрепризе «Арт-клуб XXI век» — «Квартет для Лауры». Не занимаетесь ли в свободное время сочинением пьес? Многие современные драматурги вышли из актеров: Казанцев, Гуркин, Угаров, Коляда... Тем более вы — филолог.

— Думаю, когда-нибудь что-то такое случится. Но не пьеса для театра, потому что это очень сложно: в драматургии слишком много законов, больше, чем в остальных видах литературы. Если я что-то напишу, то скорее сценарий для кино. Это мне ближе. У меня уже была одна попытка — проба пера. Я написал сценарий, он лежит в столе...

— И вы никому не показываете? Не ищите режиссера?

— Все может произойти только само собой: я — фаталист.

— Но некоторые говорят, что сами собой происходят только неприятности...

— А я говорю: под лежачий камень вода... течет. Все появится. Нужно уметь ждать и быть готовым.

Светлана НОВИКОВА

На фото: 1. С. Гирин, Ч. Хаматова и А. Хованский во время отдыха на Кипре. 2. Сцена из спектакля «Великая Екатерина».